

102
E 342

4268-0

2007112830

По берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана.

(Отъ Печоры до Карскаго моря).

Далеко, далеко, болѣе 2000 верстъ отъ Петербурга, въ 20 верстахъ отъ громадной рѣки Печоры, на берегу озера, расположилось небольшое село Пустозерскъ.

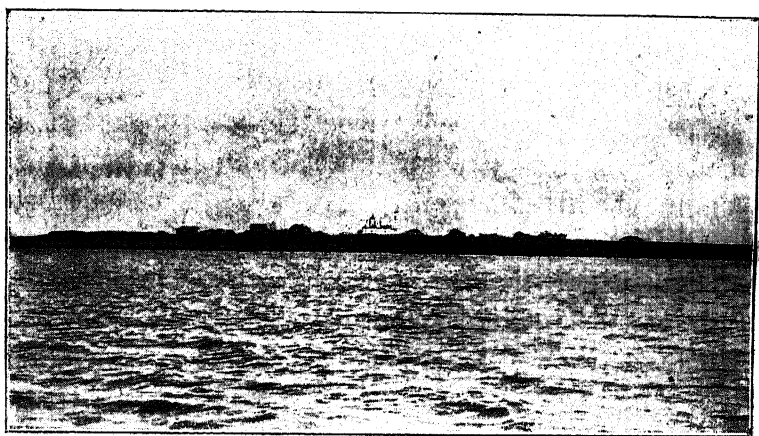
Теперь Пустозерскъ представляетъ изъ себя группу деревянныхъ старенькихъ домиковъ, и только почтовое учрежденіе, дома священника и одного богатаго промышленника нарушаютъ общій сѣренскій строй полуразвалившихся жилищъ мѣстныхъ поселянъ.

Но было время, когда Пустозерскъ былъ крѣпостью гдѣ находились 70 солдатъ съ пушками, охранявшихъ край отъ набѣговъ дикихъ самоѣдовъ, которые жили по Карѣ и не хотѣли подчиниться русскому царю, а управлялись своими князьями.

И теперь еще подъѣзжая къ Пустозерску, можно замѣтить земляные валы, поросшіе мелкимъ кустарникомъ, которые раньше представляли крѣпкую защиту для нашихъ воиновъ. Кругомъ селенія раскинулась тундра, простирающаяся на сѣверъ до береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, на западъ до Бѣлаго моря и на востокъ, черезъ Уралъ и всю Азію, вплоть до Берингова пролива. Неприглядный видъ тундры: покрытая бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ почти 8 мѣсяцевъ, она зимою представляетъ бѣлую снѣжную пелену, и

только кое-гдѣ на снѣгу видны черныя точки—это вер-хушки кустарника, торчащія изъ-подъ снѣга; да иногда попадетъ на глаза сухой стволъ небольшой сосенки, растерявшей свои иглы и сложившей въ борьбѣ съ мятелью свою зеленую красивую голову. Иногда группа елочекъ, тѣсно сплотившихся какъ бы защищая другъ друга отъ непогоды, поднимаютъ свои головки и даютъ отдохнуть глазу путника, утомленному однообразнымъ, ослѣпляющимъ глаза, бѣлымъ цвѣтомъ снѣга.

Пустозерскъ. Видъ съ озера.

Кругомъ не видно никакихъ признаковъ жизни; только изрѣдка пробѣжить по тундрѣ бѣлый песецъ, это—полярная лисица, въ изобиліи тамъ водящаяся, да волкъ, проголодавшись, завоюетъ свою скучную пѣсню. Изъ птицъ только однѣ бѣлыя куропатки да бѣлыя совы живутъ тамъ круглый годъ, но онѣ не выдѣ-ляются на общемъ фонѣ бѣлизны, и только опытный глазъ самоѣда можетъ отличить ихъ отъ снѣга и ука-зать путнику. Бѣлыя куропатки водятся цѣлыми ста-дами, при чемъ самцы отличаются отъ самокъ тѣмъ что на головкахъ у нихъ есть нѣсколько черныхъ перьевъ и красный гребешокъ, тогда какъ самка со-

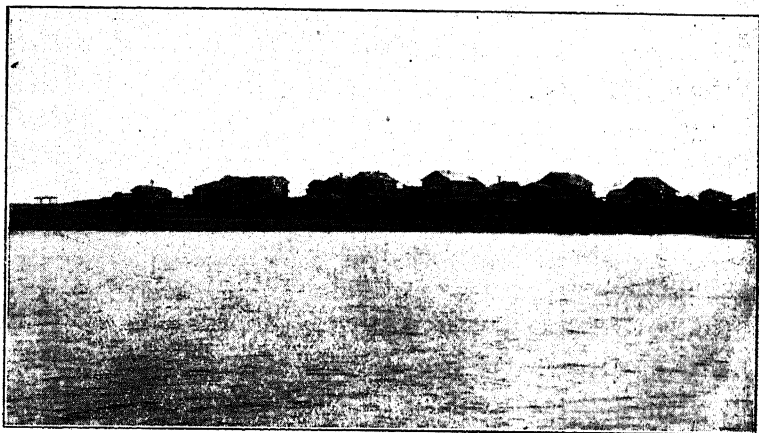
вершенно бѣлая. Весною самки линяютъ и покрываются пестрыми желтоватыми перьями, цвѣта высохшей травы; у самцовъ же на горлышкѣ образуется красное пятно, шея дѣлается черной, но тѣло остается покрытымъ бѣлыми перьями. Вообще куропатки очень неосторожны: но, когда уже разъ ихъ напугаютъ, то онѣ ни за что не подпустить къ себѣ охотника. Онѣ то и являются зимою добычей для песцовъ, которые ихъ уносятъ, подползая къ нимъ въ бурю во время ихъ сна, такъ какъ въ мятель куропатки тѣсно сжимаются въ кучку и снѣгъ ихъ засыпаетъ.

Но вотъ наступаетъ весна, и картина совершенно мѣняется. Изъ-подъ снѣга, оттаявшаго подъ лучами солнца, начинаютъ появляться песчаные бугры; вѣтеръ подымаетъ песокъ и, какъ дождемъ, обсыпаетъ имъ снѣгъ. Изъ-подъ снѣга начинаютъ все больше и больше выглядывать вѣтки кустарника, какъ бы просясь наружу изъ-подъ своего холодного покрывала.

Высоко на небѣ летятъ большими стаями утки, всевозможныхъ породъ, нѣсколько ниже гуси и лебеди, — эти цари сѣверной природы. Какъ пріятно жителю этихъ странъ увидѣть послѣ долгой зимы своихъ пернатыхъ гостей, наконецъ прилетѣвшихъ съ далекаго юга. Прилетаютъ массаи кулики и мелкія птички, гнѣздящіяся по кустарникамъ и озерамъ, которыя теперь сбросили съ себя ледяныя оковы. Крестьяне и самоѣды берутъ ружья и отправляются на охоту. Хитеръ гусь, но и тому не избѣжать мѣткой пули самоѣда. Лежа гдѣнибудь подъ пригоркомъ, самоѣдъ долго ждетъ, когда на него налетитъ стадо, и пускаетъ свою пулю въ перваго зазѣвавшагося гуся, палетающаго на него. Гусь подымаетъ крикъ и бросается въ сторону, но ужъ поздно; онъ падаетъ мертвый на землю, приводя въ ужасъ своихъ товарищей, крикъ которыхъ слышится далеко.

Весною мимо Пустозерска проходятъ самоѣды съ

своими чумами, которые и зимою, и лѣтомъ представляютъ для нихъ жилища, и оленями, служащими имъ вмѣсто всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Олень за-

Деревня Никитцы на Печорѣ.

мѣняетъ собою лошадь и въ то же время мясо его служить очень хорошею пищею, а шкура идетъ на одежду и

Улица въ деревнѣ Никитцы и типы Пустозеровъ.

сапоги, и даже нитки самоѣды дѣлаютъ изъ оленьихъ жилъ. Весною олень некрасивъ: безъ рогъ, отпадающихъ въ это время, съ облѣзлой шерстью и скучаю-

щими глазами, на него грустно смотрѣть. У самоѣдовъ бываетъ до 1,000 оленей, но такихъ богатыхъ мало, а обыкновенно около 100, и такое стадо составляетъ все самоѣдское достояніе. Русскіе также занимаются тамъ оленеводствомъ и вмѣстѣ съ самоѣдами отправляютъ свои стада на лѣто на берега Сѣвернаго Ледовитаго океана, такъ какъ олени боятся жаровъ, во время которыхъ появляется масса комаровъ и оводовъ, злѣйшихъ враговъ оленей. Оводъ забивается оленю въ шерсть, ноздри и даже ротъ и кладетъ свои яйца въ шерсти, а между ртомъ и носомъ проѣдаетъ мясо, отчего олень издыхаетъ. Яйцо овода образуетъ личинку, которая видна изъ-подъ шерсти бугоркомъ на спинѣ и на бокахъ оленя; самоѣды легко достаютъ ее, выковыривая пальцами; въ нѣкоторыхъ оленяхъ такихъ личинокъ бываетъ болѣе ста. До чего онѣ объѣдаютъ каждого оленя, можно судить по тому, что онѣ питаются самимъ животнымъ во время своего пребыванія въ шерсти. Когда выпадаетъ шерсть, выпадаютъ и личинки, изъ которыхъ съ тепломъ выводятся овода, снова нападающіе на бѣдныхъ оленей.

Когда начинается ломаться ледъ на Печорѣ, и она трогается, унося свои льды въ океанъ, всѣ жители селъ и деревень покидаютъ свои жилища, оставивъ дома только старухъ и стариковъ, и отправляются на ловлю рыбы, главнымъ образомъ семги; кромѣ семги ловятся массами чирь, нельма, пелядь, максунъ, навага и другія рыбы. Нѣсколько семей одного села связываютъ свои сѣти вмѣстѣ и ставятъ ихъ поперекъ рѣки на ночь, а утромъ выбираютъ. Семга идетъ изъ океана цѣлыми стадами, частью для метанья икры, частью спасаясь отъ хищныхъ большихъ морскихъ рыбъ и попадаетъ въ руки рыболовамъ. Величиною семга достигаетъ больше 1½ аршина и вѣсомъ до 2-хъ пудовъ, но такая попадаетъ крайне

рѣдко, а обыкновенный вѣсъ семги 20—25 фунтовъ. Семгу солятъ въ бочкахъ и отправляютъ въ Москву и Петербургъ на пароходахъ, приходящихъ съ моря изъ Архангельска и по Печорѣ изъ Чердыни. Другія же рыбы идутъ главнымъ образомъ въ пищу жителямъ.

За Пустозерскомъ, черезъ озеро, въ которомъ также очень много рыбы, расположена деревня Устье. Далѣе по Печорѣ находится нѣсколько селъ и деревень, изъ которыхъ самыя сѣверныя селы Андехъ, Куя и деревня Никитцы, лежащія другъ отъ друга въ 3 верстахъ; туда-то и приходятъ пароходы и становятся у пристани, на противоположномъ берегу рѣки. Между Куей и Пустозерскомъ 40 верстъ, но жители себя считаютъ сосѣдями. Наступаетъ лѣто. Появляется масса комаровъ, отъ которыхъ совершенно негдѣ укрыться, и только холодный сѣверный вѣтеръ спасаетъ отъ нихъ жителей, такъ какъ они исчезаютъ, боясь холода.

Зато какое раздолье птицамъ! Подъ каждымъ кустикомъ гнѣздышко, съ куста на кустъ перелетаютъ дрозды, стрекочетъ сорока, а на болотахъ массами бѣгаютъ маленькіе кулички и пѣтуханчики, собирающіе кормъ своимъ самкамъ, выводящимъ дѣтенышей. У озеръ собираются стадами линяющіе гуси, такъ какъ они въ это время не могутъ летать, и жители убиваютъ ихъ палками и солятъ себѣ на зиму. Жаль бѣднаго гуся, когда онъ, преслѣдуемый безпощаднымъ человекомъ, бѣжитъ отъ своего врага, не зная, гдѣ укрыться, и испускаетъ отчаянные крики; но не долго можетъ онъ пробѣгать и падаетъ въ изнеможеніи, пряча свою голову въ траву, гдѣ ему и приходится умереть. Изъ хищныхъ птицъ прилетаютъ сѣверные орлы, ястреба, копчики, кречеты, подорлики и другіе хищники. Позже другихъ прилетаетъ большими стадами турухтанъ, мясо котораго замѣчательно вкусно.

Песцы выводятъ своихъ дѣтенышей, находя для

нихъ обильный кормъ въ птичьихъ гнѣздахъ. Лѣтомъ песцы измѣняютъ свой цвѣтъ на сѣрый и не такъ цѣнятся; у дѣтенышей же вдоль спины тянется черная полоса, и они носятъ названіе крестоватиковъ. Кромѣ песцовъ, водятся лисицы, горностаи и куницы, но куницы стали чрезвычайно рѣдки.

Въ Печорѣ же водится выдра, изрѣдка выходящая на берегъ и большую часть своей жизни проводящая въ водѣ, въ погонѣ за рыбной пищей.

Среди травъ расцвѣтаетъ масса самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, украшающихъ зеленые покровы полянъ.

Утки въ озерахъ снуютъ въ разныя стороны, и только изрѣдка пролетитъ лебедь, испуская свои крики и спустившись на озеро, у берега котораго сидитъ на яйцахъ самка, запоетъ протяжно свою лебединую пѣсню.

Вотъ поспѣваетъ морошка, и оставшіеся въ деревьяхъ жители спѣшать ее собирать и мочить, такъ какъ это единственная ягода сѣвера, кромѣ клюквы, поспѣвающей зимой. Ни картофеля, ни овощей и никакого хлѣба тамъ не растетъ, и кормомъ скоту служитъ только одна трава, которая косится на зиму; все же остальные жизненные припасы привозятся съ юга на баржахъ по Печорѣ купцами, скупающими въ обмѣнъ рыбу, олени шкуры и продукты звѣроловства.

Въ серединѣ іюля въ Кую приходитъ первый пароходъ изъ Архангельска, тогда какъ по Печорѣ чердынцы привезли уже муку изъ Чердыни и со своими баржами остановились по притокамъ Печоры, называемыми по-мѣстному шарами.

Въ особенности много баржъ въ началѣ лѣта собирается у устья Печоры въ Климовомъ шарѣ, гдѣ число ихъ доходитъ до 50.

У самаго устья тундра покрыта только кустарникомъ ольхи и ивы; ни елочекъ, ни березъ не встрѣчается,

да и имѣющійся кустарникъ такъ малъ, что еле-еле отъ земли подымается до вышины аршина, а у берега лимана, который образуется впаденіемъ въ океанъ этой могучей рѣки, одна безлѣсная тундра, испещренная болотами, частью совершенно оголенная, частью покрытая оленьимъ мохомъ, ягелемъ и болотной желтой травой.

Рѣдко въ этихъ краяхъ бываетъ хорошая погода. То туманъ носится надъ водами, то мелкій дождь моросить, то сильный вѣтеръ рветъ и мечетъ и носить съ собою водяную пыль разбушевавшейся рѣки и моря. Тихо тогда бываетъ въ тундрѣ: рыбаки сидятъ у очага въ своихъ землянкахъ, самоѣды забираются въ чумы, не имѣя возможности зажечь огня, задуваемого вѣтромъ; птицы, спрятавъ подъ крылья свои головы, забиваются куда нибудь подъ кочку, а песцы и лисицы уходятъ въ свои норы, и всѣ, недовольные погодой, сидятъ и думаютъ свои невеселыя думы.

Правый берегъ Печоры покрытъ небольшими холмами, подымающими свои вершины, какъ бы гордясь своей высотой и не желая подчиниться общему ровному строю—это такъ называемыя сопки.

Сейчасъ же за устьемъ Печоры берегъ образуетъ къ востоку большой заливъ, называемый Болванской губой. Заливъ этотъ не глубокъ, и сюда впадаетъ небольшая тундровая рѣка Дресвянка, въ которой много ловится рыбы, въ особенности наваги; здѣсь осенью самоѣды, возвращаясь съ сѣвера, устраиваютъ себѣ всегда становище и ловятъ рыбу.

У рѣки Іевки построено нѣсколько землянокъ промышленниками, приходящими сюда для ловли семги и бѣлухъ—большихъ морскихъ животныхъ, приплывающихъ сюда изъ водъ океана, когда проходитъ ледъ.

Бѣлуху видно, когда она идетъ въ водѣ, такъ поверхность ея бѣлаго тѣла, выступаетъ изъ воды. Бьютъ ее

такимъ образомъ: промышленники выбираютъ тихій, ясный день и на своемъ карбасѣ (большой лодкѣ) выѣзжаютъ на середину губы, куда заходятъ изъ моря эти животныя.

Завидя бѣлуху, всѣ ложатся на дно карбаса и одинъ изъ людей держитъ въ своихъ рукахъ большой очень заостренный крюкъ, отъ котораго идетъ длинная бичева. Любопытное животное подплываетъ къ лодкѣ, и когда оно подходитъ близко, ловецъ бросаетъ свой крюкъ, который впивается въ его тѣло, она бросается въ сторону, промышленникъ травитъ бичеву, а всѣ прочіе люди усиленно гребутъ, помогая животному тащить карбасъ. Протащивъ версты двѣ, добыча устаетъ; при этомъ, какъ говорятъ, она становится смирной; тогда къ ней подходятъ и добиваютъ ее топоромъ.

Величина бѣлухи доходить до 40 пудовъ, обыкновенный же вѣсъ около 30, сало ея весьма цѣнится такъ какъ идетъ на смазку большихъ паровыхъ машинъ. Ловятъ ее только въ іюнѣ, какъ только пройдетъ ледъ, такъ какъ когда южный вѣтеръ угоняетъ льды въ океанъ, то и животныя уходятъ вмѣстѣ со льдами, и тамъ такой примитивный способъ ловли ихъ уже невозможенъ.

Не каждый годъ промышленникамъ удается добыть бѣлуху, иногда за весну ихъ попадаетъ 2—3, въ несчастливые же годы приходится вернуться съ пустыми руками.

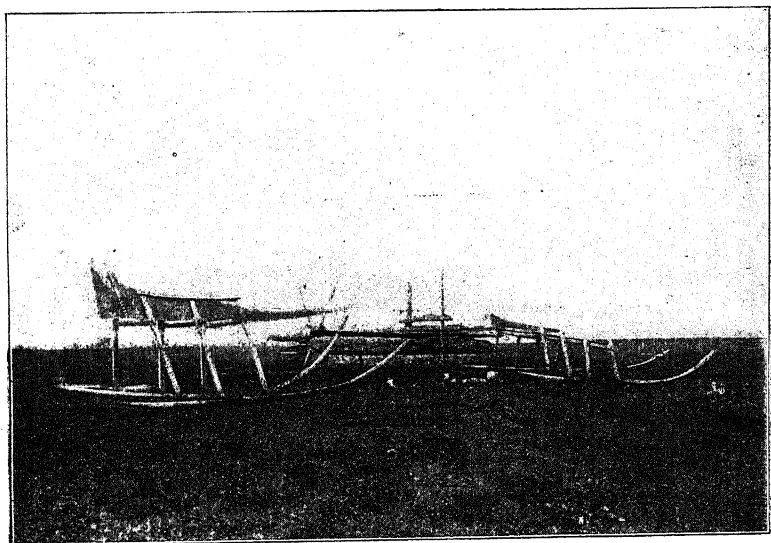
На сѣверъ отъ Болванской губы впаденіемъ своимъ Печора образовала рядъ песчаныхъ острововъ, носящихъ названіе Гуляевскихъ кошекъ. И сюда на лѣтніе промыслы приходятъ промышленники пустозеры: здѣсь ловятъ омулей, небольшую, но весьма вкусную рыбу, которая солится и продается чердынскимъ купцамъ. Омуль приходитъ сюда стадами и его ловятъ громадными не-

водами. Здѣсь уже у промышленниковъ нѣтъ землянокъ, такъ какъ изъ песка ихъ нельзя построить, и все лѣто имъ приходится жить въ своихъ карбасахъ, подъ открытымъ небомъ; только для ночлега у нихъ устроена маленькая каюта, въ которой можетъ помѣститься человекъ въ лежачемъ положеніи. Иногда уловъ бываетъ очень удаченъ, такъ что на каждый пай приходится болѣе 150 пудовъ рыбы, а въ нѣкоторые годы омуль не заходитъ, и тогда промышленники возвращаются ни съ чѣмъ.

За Гуляевскими кошками простирается Сѣверный Ледовитый океанъ, вплоть до самаго Сѣвернаго полюса; промыслы въ немъ для пустозеровъ невозможны, за неимѣніемъ къ тому приспособленныхъ судовъ. Правда, нѣкоторые жители Усть-Цильмы, села, расположеннаго при впаденіи рѣки Цильмы въ Печору, ходили прежде на своихъ карбасахъ на Новую Землю, этотъ громаднѣйшій полярный островъ, за дикими оленями и морскими звѣрями, но теперь, благодаря устройству правительствомъ поселенія на Новой Землѣ и постоянныхъ промысловъ мѣстныхъ жителей, самоѣдовъ, и русскихъ поселенцевъ, промышленники Печоры туда не ходятъ. Сейчас же за Болванской губой берегъ идетъ на сѣверовостокъ, образуя мысы Двойничный, Константиновскій, Горѣлку и Лопатку. На каждомъ изъ этихъ мысовъ обществомъ Архангельско-Мурманскаго пароходства, субсидированнымъ морскимъ министерствомъ, построены деревянные знаки для безопасности мореплаванія, такъ какъ берега очень низменны и въ отливъ обсыхаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе чѣмъ на 2 версты, какъ, напримѣръ, у башни Черная Лопатка, гдѣ, впадая въ лиманъ, большая рѣка Черная принесла съ собою громаднѣйшую массу песка, образующаго отмель почти на 8 версть.

Здѣсь уже царство самоѣдовъ—это ихъ настоящая родина, ихъ земля, ихъ родной край.

Численность ихъ здѣсь крайне невелика: иногда верстѣ на 40, а иногда даже и больше стоятъ одинѣ чумъ отъ другого. Благодаря суровому зимнему климату, мятелямъ, бушующимъ здѣсь большую часть года, самоѣдовъ здѣсь очень мало, и только весною оживляются эти края, когда приходятъ на сѣверъ изъ зырянскихъ селъ ижемцы со своими громадными оленьими

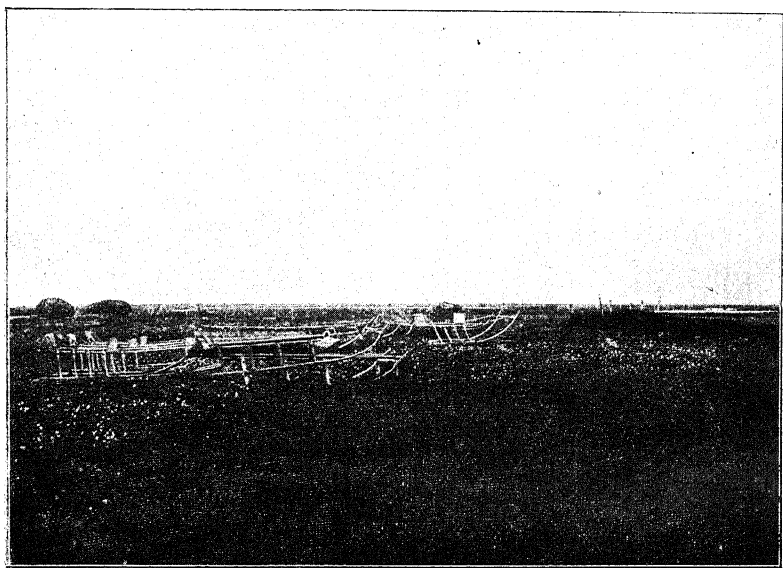

Самоѣдскія нарты.

стадами, чтобы здѣсь перелѣтовать, какъ они говорятъ, и спасти оленей отъ жаровъ, причиняющихъ имъ болѣзни. Тутъ же весною проходятъ пустозеры и самоѣды Малоземельской тундры, идущей отъ Печоры до береговъ Бѣлаго моря. Интересно видѣть громадный самоѣдскій обозъ, на которомъ везется все ихъ имущество. Правда, часть вещей, какъ, напримѣръ, зимніе чумы, сдѣланные изъ лучшихъ оленьихъ шкуръ, а также лѣтніе, сдѣланные изъ берестовой коры, лѣтніе нарты, этотъ самоѣдскій экипажъ, исключительно только воз-

можный для шероховатой поверхности тундры, и другія громадскія принадлежности хозяйства они оставляютъ, сложивъ въ кучу въ тундрѣ. И лежитъ это имущество бугоркомъ у какого нибудь озера или болота: никто его не трогаетъ, и только приходится удивляться, какъ рискуетъ самоѣдъ изъ за-своей лѣни остаться на зиму безъ крова.

Растягивается самоѣдскій обозъ чуть не на цѣлую

Нарты съ самоѣдскимъ имуществомъ.

версту. Впереди и по бокамъ бѣгутъ олени и маленькія телята, называемые пыжиками. Обыкновенно впереди ѣдетъ или глава семейства или его жена, помахивая длинной палкой, служащей вмѣсто кнута и называемой хорѣмъ.

Въ нарты, на которыхъ ѣдетъ самъ самоѣдъ, запрягаются 4—5 оленей, а сзади пара за парой, какъ говорятъ, хампуемъ, идутъ нарты съ кладью, и такихъ нартъ бываетъ до 8-ми; вся эта вереница носитъ названіе оргишъ.

Оргишей бываетъ 3—4, а иногда въ зависимости отъ количества вещей и довольно много.

Въ особенности много бываетъ клади у пустозеровъ и ижемцевъ, везущихъ свои товары вглубь тундры, для продажи самоѣдамъ. Главными центрами торговли служатъ о-въ Варандей, восточная граница Печорскаго лимана и проливъ Югорскій шаръ.

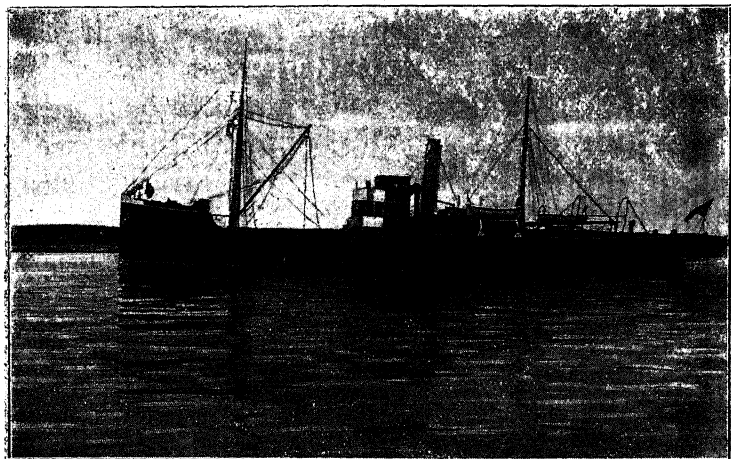
Параллельно берегу, въ 20 верстахъ вглубь материка отъ Константиновской башни, тянется небольшой хребетъ Питковъ камень, кончающійся, не доходя версты 3, противъ мыса Черная Лопатка. Здѣсь-то и водятся въ изобиліи бѣлыя куропатки и бѣлые песцы. Название свое, какъ говоритъ преданіе, Питковъ камень получилъ отъ самоѣда Питки, племя котораго было велико и богато и кочевало по склонамъ этого хребта, но теперь тамъ кочуютъ совершенно другіе самоѣды, ничего не имѣющіе общаго съ своимъ богатымъ предкомъ. Далеко въ морѣ виденъ этотъ хребетъ, постоянно почти окутанный носящимся надъ нимъ туманомъ, наивысшая его точка 595 футовъ хорошо видна издали, такъ какъ въ 1850-хъ годахъ тамъ была устроена изъ дерна земляная башня для нуждъ торговаго мореплаванія, занимавшагося вывозомъ строеваго лѣса изъ Печоры. Да и теперь, интересны берега лимана. Весь этотъ берегъ замѣтно подымается, отнимая у моря большія и большія пространства; у мыса Лопатки видны 3 берега: одинъ болѣе высокій, тянущійся верстъ на 7 отъ моря, другой небольшимъ уступомъ подымающійся въ нѣсколькихъ саженьяхъ, мѣстами отодвигаясь почти на версту, и третій настоящій, далеко обсыхающій во время прилива; послѣдній большею частью песчаный и только мѣстами переходитъ въ черный вязкій иль, крайне неудобный для путника.

Въ началѣ этого столѣтія, именно въ 1824 году, морскимъ министерствомъ была отправлена экспедиція

подъ начальствомъ штурмана Иванова и произведена съемка этихъ береговъ, но, благодаря измѣненію и неточности прежнихъ инструментовъ, карты очень невѣрны и мореплаваніе крайне затруднительно. Теперь туда ежегодно посылаются морскіе офицеры для составленія подробныхъ описей.

Пріятно бываетъ самоѣду послѣ долгой зимы увидѣть дымокъ парохода, идущаго изъ Архангельска въ Кую.

Съ проходомъ льдовъ, сейчасъ же прибываютъ паро-

Пароходъ экспедиціи сѣв. лед. ок. „Пахтусовъ“.

ходы, во все короткое лѣто не перестающіе показываться то съ одной, то съ другой стороны, по крайней мѣрѣ, раза три въ недѣлю.

Не всѣ пароходы могутъ входить въ Печору, такъ какъ существуетъ баръ, глубина на которомъ въ малую воду 9 футовъ и только во время свѣжихъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, нагоняющихъ воду изъ океана, уровень на барѣ подымается до 14, но никогда мореплавателю на это нельзя рассчитывать, такъ какъ съ отливомъ можно обсохнуть и потерять судно.

Толщина льда зимою въ лиманѣ около сажени, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ вѣтрами сталкивается въ кучи и образуетъ горы сажень до 4-хъ, достигая нижней своей частью до дна; такія мѣста называются рупаками.

На льду почти всегда можно видѣть черныя пятна которыя по мѣрѣ приближенія исчезаютъ: это—тюлени, вышедшіе подышать свѣжимъ воздухомъ. Тюлени очень выгодная добыча для самоѣда, такъ какъ шкуры ихъ идутъ на сапоги и для другого употребленія, какъ, напримѣръ, на ранцы нашихъ школьниковъ; эти шкуры стоятъ 3 рубля да сало, около 2—5 пудовъ продается отъ 1 до 2 рублей за пудъ пустозерамъ-промышленникамъ, торговцамъ.

Охота на тюленя очень интересна: его добываютъ, или на оленяхъ, или пѣшкомъ. Обязная кругомъ тюленя, самоѣдъ уменьшаетъ съ каждымъ разомъ кругъ, до тѣхъ поръ пока не подъѣдетъ къ тюленю сажень на 30, тогда онъ останавливается, беретъ ружье и съ колѣна, положи стволъ на нарты, стрѣляетъ въ тюленя, цѣля прямо въ голову. Вообще самоѣды очень хорошіе стрѣлки и рѣдко, промахиваются; куда бы ни ѣхалъ самоѣдъ, онъ всегда беретъ съ собою ружье, которое весьма незамысловато. Заряжается это ружье съ дула, при чемъ для воспламененія пороха служитъ кремень. Часто такое ружье даетъ осѣчку, и тогда звѣрь уходитъ, а самоѣдъ начинаетъ ругаться и вздыхать, вспоминая про норвежскія патронныя ружья или берданки, которыя ему приходилось видѣть у своихъ болѣе счастливыхъ соотечественниковъ. Весьма цѣнить такое ружье его хозяинъ и очень рѣдко рѣшается продать его за нѣсколько оленей.

— Когда бы ружье было хорошее,—говоритъ промышленникъ—самоѣдъ:—то можно было бы звѣря добыть довольно, а гдѣ хорошее ружье достанешь?

Другой способъ добыванія тюленей совершается пѣшкомъ. Самоѣдь дѣлаетъ изъ бѣлаго полотна нѣчто въ родѣ зонта, съ небольшимъ отверстіемъ; онъ несетъ зонтъ впереди себя и черезъ отверстіе въ немъ смотритъ на звѣря и уже прямо идетъ на свою добычу, и протяжнымъ крикомъ своимъ заглушаетъ скрипъ мерзлаго снѣга подъ ногами.

Еще издали удивленное животное начинаетъ подымать свою голову и озирается по сторонамъ, но, не видя своего врага, продолжаетъ спокойно лежать около дыры у льда, имѣя возможность во всякій моментъ избѣжать смерти. Въ это именно время охотникъ подходит и убиваетъ изъ-за своей засады испуганнаго, глупаго звѣря.

Такой способъ болѣе практиченъ и удобенъ и потому чаще употребляется, такъ какъ олени не гоняются, а ихъ-то болѣе всего и жалѣетъ хозяинъ. Далеко иногда отъ берега отбѣзжаетъ самоѣдь, но вообще избѣгаетъ отдаляться, такъ какъ боится, что наступившій туманъ или ночь могутъ сбить его съ дороги. У самоѣда нѣтъ компаса, благодаря которому онъ никогда не могъ бы заблудиться, и только одинъ инструментъ знакомъ самоѣдамъ и имѣется у большинства: это — зрительная труба, способствующая розыску отбившихся отъ общаго стада оленей.

Въ особенности тяжело оленямъ, которымъ приходится иногда пробѣжать верстъ 80 по льду безъ отдыха и корма. Промыселъ на тюленя главнымъ образомъ происходитъ здѣсь весной — благодаря свѣтлымъ ночамъ и менѣе холодной погодѣ.

Но еще задолго до ломки льда, прекращаетъ самоѣдь свои поѣздки, такъ какъ Печора проходитъ на мѣсяцъ раньше, и во всякій моментъ ледъ въ лиманѣ можетъ тронуться и отрѣзать отступленіе къ берегу, чего особенно боится отважный охотникъ.

Весною самоѣдь бьетъ на льду гусей, садящихся тамъ, гдѣ образовалась вода, а также и песца, случайно забѣжавшаго съ тундры. Но на песцовъ главнымъ образомъ охота производится зимою, такъ какъ уже въ серединѣ мая они начинаютъ линять и тогда совершенно не цѣнятся. Обыкновенно песца находятъ по слѣду: когда самоѣдь его увидитъ, то пускаетъ за нимъ свою собаку, которая его догоняетъ, или же начинаетъ самъ кружить на оленяхъ вокругъ песца до тѣхъ поръ, пока не подѣдетъ на выстрѣль. Существуетъ еще особенный способъ промысла на песца при участіи нѣсколькихъ самоѣдовъ. Запрягаютъ нарты, и отъ различныхъ пунктовъ всѣ съѣзжаются къ извѣстному мѣсту, гдѣ предполагаютъ найти звѣря; испуганный звѣрь начинаетъ бросаться въ разныя стороны, но встрѣчаетъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Ближайшій къ звѣрю самоѣдь стрѣляетъ и убиваетъ его. Шкурка сейчасъ же продается съ торга, а деньги дѣлятся между охотниками. Очевидно, что на долю каждаго достается весьма незначительная сумма, но и тою не брезгаетъ самоѣдь, такъ какъ, кромѣ промысла, зимою у него нѣтъ другихъ доходовъ.

Весною начинается для самоѣдовъ время заботъ, такъ какъ весьма трудно пасти самокъ съ телятами и ухаживать за послѣдними, очень чувствительными къ холоду. Много гибнетъ молодыхъ телятъ отъ морозовъ: шкурки ихъ идутъ на шапки и на чулки для самоѣдовъ, такъ называемые лепты, а, кромѣ того, продаются пустозерамъ, сбывающимъ ихъ въ Архангельскъ на различную теплую одежду и для вывоза за границу.

Интересно видѣть весною оленье стадо съ маленькими пыжиками, весело бѣгающими вокругъ своихъ матерей, щиплющихъ спокойно оленій мохъ и едва только показавшуюся траву.

Отъ мыса Черная Лопатка берегъ образуетъ неболь-

шой заливъ, называемый Поганческой губой, крайне мелководный. Здѣсь кончается ловъ семги, такъ какъ уже далѣе семга не попадаетъ, и ловится только омуль.

Масса рѣкъ различныхъ величинъ впадаютъ въ Печорскій лиманъ, но наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ Черная, Алексѣевка, Кривая и Богуркина, по изобилію водящихся въ нихъ бѣлой рыбы, чировъ, окуней, нельмы, наваги и другихъ.

Послѣдняя землянка находится у рѣки Богуркиной, далѣе уже до о-ва Варандея промысловъ нѣтъ.

Приходятъ промышленники къ срединѣ іюля, а уже въ срединѣ августа возвращаются съ промысловъ, оставляя по себѣ память у береговъ въ видѣ массы кольевъ, натканныхъ на берегу и въ водѣ иногда версты на 2 отъ берега для просушки и постановки сѣтей.

Противъ Поганческой губы и далѣе вдоль о-ва Варандея тянется высокій хребетъ Эней, представляющій лѣтнюю резиденцію для большинства самоѣдовъ и оленеводовъ-пустозеровъ и ижемцевъ.

Самоѣды обыкновенно соединяютъ свои стада вмѣстѣ, ставя иногда рядомъ до 5-ти чумовъ и образуя такимъ образомъ стада болѣе, чѣмъ въ 1000 головъ. Ижемцы и пустозеры, благодаря большому количеству оленей у каждого отдѣльнаго хозяина, пасутъ свои стада отдѣльно по вершинамъ хребта. Здѣсь-то и сталкиваются интересы самоѣдовъ, зырянъ и русскихъ, издавна уже спорящихъ о принадлежности имъ тундры.

Только часть самоѣдовъ остается для того, чтобы пасти оленей, которые весьма безпокойны при наступленіи лѣта. Олень хорошо знаетъ мѣста своего лѣтняго пребыванія. Еще задолго до перекочевки, олени начинаютъ безпокоиться и отходить по направленію къ хребту; если по дорогѣ имъ встрѣчаются рѣки, то они переплываютъ ихъ и возвращаются только съ само-

ѣдомъ, отправившимся за ними въ погоню. Нѣсколько ранѣ наступленія жаровъ, самоѣды торопятся пріѣхать и расположиться на Энеѣ, такъ какъ надо дать нѣсколько отдохнуть оленю, уставшему отъ длиннаго перехода.

Какъ говорятъ, олень долженъ набраться силы для того, чтобы спастись бѣгствомъ отъ комаровъ и оводовъ. Отъ этихъ своихъ злѣйшихъ враговъ онъ спасается бѣгствомъ противъ вѣтра, отъ чего комары отстаютъ и не успѣваютъ садиться, но не можетъ онъ спастись такимъ же образомъ отъ другихъ, болѣе злыхъ

Самоѣдъ съ оленями.

своихъ враговъ — оводовъ; отъ нихъ онъ забѣгаетъ въ рѣку или озеро и иногда стоитъ въ водѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Бойтся самоѣдъ лѣтнаго южнаго вѣтра, послѣ котораго въ особенности много появляется оводовъ, и только вздохнетъ свободно, когда задуетъ свѣженькій сѣверный вѣтерокъ и заставитъ насѣкомыхъ попрятаться въ траву. Это время и представляется отдыхомъ для оленей, спокойно щиплющихъ сочную траву и отѣждающихся на долгую зиму. Ни лютыхъ^{2*}

морозовъ, ни сильныхъ мятелей не боится такъ самоѣдъ, какъ двухъ недѣль лѣтняго тепла, во время которыхъ появляются овода. Да и самому самоѣду приходится плохо отъ комаровъ, тучами носящихся въ воздухѣ и кусающихъ и человѣка, не успѣвающего отъ нихъ отмахиваться. А какъ отъ нихъ отмахиваться, когда ихъ носятся надъ тундрой цѣлыя міриады, какъ будто испаренія поднимаются они отъ земли: такъ много комаровъ въ тихій теплый іюльскій день. Пастухи носятъ на головахъ сѣтки «накомарники», безъ которыхъ невозможно пасти оленей въ тундрѣ, да и то комаръ заползаетъ подъ сѣтку, и острая боль заявляетъ о его присутствіи. Жаль въ это время маленькихъ дѣтей, которыя не могутъ бѣгать и рѣзвиться, а сидятъ въ углу у костра, дымъ котораго нѣсколько прогоняетъ докучливыхъ насѣкомыхъ.

Это время представляется еще опаснымъ и по другой причинѣ, именно лѣтомъ на оленяхъ бываетъ болѣзнь, называемая оленьей холерой, такъ какъ болѣзнь эта очень заразительна и уничтожаетъ цѣлыя стада. Къ счастью, холерные годы не очень часты, но зато въ такой годъ вся тундра покрыта трупами бѣдныхъ животныхъ. У одного ижемца въ холерный годъ въ 2 недѣли пало стадо въ 10.000 головъ: не осталось ни одного живого оленя. Такой годъ для самоѣдовъ является прямымъ разореніемъ, такъ какъ, кромѣ оленеводства и промысловъ, имъ нечѣмъ жить, а какъ ѣздить на промыслы, когда некого заперчь.

Вдоль всего берега Печорскаго лимана море выбрасываетъ массу лѣса, лежащаго здѣсь цѣлыя столѣтія, до тѣхъ поръ пока самоѣдъ не употребитъ его на топливо, но, большею частью, лѣсъ обращается въ гнилушки, и только коричневая масса свидѣтельствуетъ о его прежнемъ существованіи.

Иногда лежитъ такое дерево саженъ 8 въ длину

и аршинъ въ толщину безъ всякой пользы и ждетъ своей медленной смерти, заброшенное сюда разбушевавшимся моремъ. Часто верстахъ въ семи отъ моря встрѣчается пенъ; такъ и кажется, что здѣсь росло когда то большое дерево, срубленное человѣкомъ; на самомъ же дѣлѣ въ этихъ краяхъ не растетъ даже, кустарника и это море врыло его въ землю и поставило въ стоячее положеніе. Весь этотъ лѣсъ приносится Печорой изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и носится по водѣ до тѣхъ поръ пока сильный вѣтеръ не пригонитъ воды и не зальетъ берега, надъ которымъ плаваетъ дерево, и отступившая вода не заставить дерево остаться на берегу.

Плохо было бы самоѣдамъ безъ этихъ даровыхъ дровъ, но сама природа заботится о нихъ. Здѣсь можно найти березу, иву, ель, сосну и великолѣпнѣйшія деревья лиственницы, этой царицы лѣсовъ сѣверной природы.

Изъ лиственницы самоѣды дѣлаютъ полозья для своихъ саней, такъ какъ она крѣпче другихъ деревьевъ и менѣе гніетъ отъ воды; всѣ прочія же части дѣлаютъ изъ березы. Почти всю работу самоѣдъ производитъ своимъ ножомъ, съ которымъ онъ никогда не расстаётся. Только у нѣкоторыхъ, кромѣ ножа и топора, есть другіе инструменты.

Теперь самоѣды начинаютъ вообще нѣсколько цивилизоваться, употребляя, на примѣръ, русскую одежду; они только зимою не расстаются съ своими малицами и совиками (одежда, сдѣланная изъ оленьихъ шкуръ). Сапоги носятъ уже обыкновенные и только нѣкоторые не расстаются съ своими лѣтними пимами, сдѣланными изъ непромокаемой тюленьей кожи. Глядишь на самоѣда и дивишься, какъ это онъ всю свою жизнь, довольный своей участью, живетъ въ такомъ климатѣ и не нуждаясь въ другой природѣ. А какъ увидишь на морозѣ маленькаго ребенка, едва прикрытаго оленьей шкурой, то по-неволѣ проникаешься уваженіемъ къ этимъ мощ-

нымъ людямъ дальняго сѣвера, спокойно переносящимъ зимнія вьюги и лютые морозы и совершенно равнодушно относящимся къ сырымъ туманамъ и проливнымъ дождямъ, которые часто перепадаютъ во время короткаго лѣта.

Стережетъ себѣ самоѣдъ своихъ оленей, а самъ иногда мокрый, съ сырыми ногами, покуриваетъ свою трубку или нюхаетъ табакъ и не мечтаетъ о лучшей жизни, чувствуя недостатокъ только въ одной водкѣ, до которой вообще всѣ самоѣды большіе охотники; но и ту приходится ему покупать по дорогой цѣнѣ у пустозеровъ, привозящихъ ее въ тундру — конечно, разбавленную водой, благодаря тому, что контроля нѣтъ. Ни одна продажа, ни одна сдѣлка не совершается у пустозера съ самоѣдомъ безъ водки и, часто, конечно, пьяный самоѣдъ продаетъ за безцѣнокъ свои продукты звѣроловства. Въ этомъ помогаютъ самоѣду женщины. Находясь постоянно въ чуму, женщина у самоѣдовъ занимается домашнимъ хозяйствомъ: готовить пищу, собираетъ дрова, нянчить дѣтей, и на ея рукахъ находится вся домашняя утварь. Вообще женщины находятся у самоѣдовъ въ большомъ уваженіи, и прежде чѣмъ что либо продать самоѣдъ всегда спрашиваетъ разрѣшенія у своей жены, которая не позволяетъ торговцу обмануть своего пьянаго мужа.

Правда, иногда и женщины пьютъ не меньше мужчинъ, и такія семьи въ большинствѣ случаевъ отличаются бѣдностью. Рѣдко, рѣдко среди самоѣдовъ можно встрѣтить непьющаго человѣка. Когда въ чуму появляется водка, то происходитъ повальное пьянство; пьютъ всѣ, даже маленькимъ дѣтямъ заботливые родители вливаютъ въ ротъ водку. Противно видѣть пьяное семейство, когда оно валяется, еле-еле поводя руками и не будучи въ состояніи ни сидѣть, ни встать отъ выпитаго спирта.

Правда, такія картины повторяются только осенью, когда самоѣды подходятъ къ Пустозерску и продають свои товары, или же весной, когда они идутъ на сѣверъ; въ другое же время имъ неоткуда бываетъ достать водки. Умѣренности не существуетъ; пьютъ до тѣхъ поръ, пока вся водка не выпита. Этимъ моментомъ болѣе всего пользуются торговцы, иногда за бутылку водки покупающіе нѣсколько вещей у пропившагося самоѣда. Часто, конечно, отъ этого происходятъ недоразумѣнія, и

Берестовый чумъ.

обиженный самоѣдъ ходить и жалуется, но что же онъ можетъ сдѣлать съ богатымъ, обдирающимъ его торговцемъ!?

Да и боится, кромѣ того торговца самоѣдъ, такъ какъ онъ постоянно въ долгу за отпущенные ему на лѣто и зиму различные товары первой необходимости: соль, чай, сахаръ и др. Никогда такой самоѣдъ не выходитъ изъ долга и всю свою жизнь работаетъ на пустозера—торговца.

Зато какъ важно держать себя непьющіе и зажиточные самоѣды, не зависящіе отъ пустозеро́въ. Промышленникъ, ни въ чемъ не отказываетъ такому самоѣду, когда тотъ приходитъ изъ тундры и заѣзжаетъ къ нему въ гости. Независимо держитъ себя такой самоѣдъ и командуетъ торговцемъ, какъ ему хочется. Боятся пустозеръ не угодить такому самоѣду, такъ какъ послѣдній можетъ всѣ свои товары продать другому, и тогда онъ навсегда теряетъ вѣрный доходъ, попадающій ему ежегодно въ руки.

Къ религіи самоѣды относятся съ уваженіемъ; хотя въ церковь ходятъ рѣдко, но церковные обряды соблюдаютъ—въ особенности бракъ. Много вообще жертвуютъ самоѣды на церкви, въ особенности, послѣ удачнаго лѣта, когда возвращаются съ увеличенными вдвое стадами отъ прироста молодыхъ оленей.

Противъ Энея вдоль берега тянутся два острова—Песяковъ и Варандей, какъ бы служба продолженіемъ одинъ другого и раздѣляясь небольшимъ проливомъ. На западной оконечности острова Песякова поставлена высокая красная башня; здѣсь собственно и кончаются восточные предѣлы Печорскаго лимана, и далѣе идетъ Сѣверный Ледовитый океанъ; уже у Варандея вліяніе рѣки совершенно незамѣтно и только соленость воды не такъ велика, какъ въ океанѣ. Отъ устья Печоры до о-ва Песякова насчитываютъ около 150 верстъ. Невдалекѣ отъ башни живутъ лоцмана, приходящіе сюда весною, какъ только пройдетъ ледъ, и разставляющіе въ лиманѣ вѣхи и баканы, служащіе для безопасности мореплаванія. На обязанности лоцмановъ лежатъ проводы пароходовъ въ Кую, по лиману и рѣкѣ и обратно. Лоцмана эти приходятъ изъ Ижмы, трогаясь въ дальній путь вмѣстѣ съ освобождающей отъ льда рѣкой и возвращаясь, когда проводятъ послѣдній пароходъ. Внутри Поганческой губы передъ о-вомъ

Песякова лежитъ небольшой о-вокъ Чаячій, изобилующій чайками, гнѣздящимися въ пескѣ. О-ва Песяковъ и Варандей служатъ лѣтомъ какъ центромъ торговли, такъ и центромъ промысла на омулей, въ изобиліи вылавливаемыхъ изъ океана. Противъ пролива, раздѣляющаго о-ва, построены деревянная часовенка и двѣ избы. Сюда приходятъ торговцы съ Печоры и скупаютъ у самоѣдовъ тюленье сало, накопившееся за зиму, и омулей, ловящихся все лѣто. Лѣтомъ здѣсь представляется довольно живописная картина. Нѣсколько чумовъ стоятъ на берегу пролива, собаки бѣгаютъ вокругъ, дѣти играютъ тутъ же, а кругомъ по болотцамъ летаетъ цѣлыми стадами турухтанъ, совершенно не боящійся людей, такъ какъ самоѣды его не трогаютъ. Оба острова песчанаго образованія, и океанъ постоянно измѣняетъ ихъ берега: то сносится песокъ въ кучи, то образуя мели, часто мѣняющія свое мѣсто. Въ проливѣ, обыкновенно, на якорѣ стоятъ нѣсколько карбасовъ, иногда дѣлающихъ за лѣто на Печору нѣсколько рейсовъ. Пустозеры пріѣзжаютъ сюда на оленяхъ въ началѣ весны, отправляя своихъ оленей въ Югорскій шаръ, и перевозятъ товары, а въ началѣ зимы возвращаются отсюда на Печору на тѣхъ же оленяхъ и захватываютъ оставшійся товаръ, не вывезенный на карбасахъ. Тутъ же у чумовъ валяются бочки съ тюленьимъ саломъ и цѣлые склады нартъ. Оленей здѣсь не держатъ, такъ какъ острова болотисты и песчаны, и мохъ на нихъ не растетъ. Но сюда часто пріѣзжаютъ на оленяхъ самоѣды съ Энея для того, чтобы навѣстить своихъ родственниковъ или купить что нибудь.

При встрѣчѣ самоѣды не обнаруживаютъ никакихъ нѣжностей, а только здороваются за руку; обыкновенно гостя угощаютъ чаемъ и даютъ ему на дорогу такъ называемыхъ гостинцевъ, въ видѣ небольшого количества рыбы или мяса, смотря по тому, что имѣется

у хозяина и дороже цѣнится гостемъ. Часто бываетъ, что прїѣхавшій гость тутъ же помогаетъ тащить неводъ и тогда за работу получаетъ свой пай.

Тогда какъ лѣтомъ о-въ Варандей представляетъ весьма населенный пунктъ, гдѣ живутъ нѣсколько семей русскихъ и самоѣдовъ, зимою же о-въ совершенно необитаемъ, и только весною приходятъ сюда изъ тундры самоѣды, занимающіеся промысломъ на тюленей, которые вообще въ изобиліи встрѣчаются въ водахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана; здѣсь же на льду всегда можно увидѣть нѣсколько животныхъ, выбравшихся изъ своего подводнаго царства, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Вообще, промыселъ на тюленя совершенно безопасенъ, и боится самоѣдъ только тумана, который можетъ сбить съ дороги и заставить долго проѣздить по льду, пока, наконецъ, охотникъ не наткнется на берегъ; въ этомъ случаѣ обыкновенно выручаютъ олени, хорошо знающіе свое пастбище.

Многое что самоѣды въ своемъ семейномъ быту переняли у русскихъ, напримѣръ, при входѣ въ чумъ самоѣдъ всегда перекрестится на образъ и то же самое дѣлаетъ, когда ѣстъ и пьетъ. При отправленіи на охоту или на промыслы охотника всегда провожаютъ пожеланіями «счастливо», за что онъ благодаритъ и прощаясь говорить «прости»; между собою они говорятъ обыкновенно на своемъ гортанномъ, но, повидимому, весьма легкомъ языкѣ, а съ русскими по-русски, хотя большинство промышленниковъ знаютъ самоѣдскій языкъ лучше русскаго, такъ какъ большую часть своей жизни проводятъ между самоѣдами; менѣе другихъ развится зырянскій языкъ, хотя много есть самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ на всѣхъ трехъ языкахъ. Всѣ же ижемцы обыкновенно знаютъ всѣ три языка, такъ какъ имъ болѣе другихъ приходится жить въ чужихъ земляхъ, когда изъ своихъ селъ они уходятъ на лѣто въ

тундру. Только нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до Энея и Югорскаго шара, а большинство лѣтомъ живутъ южнѣе по вершинамъ горъ Сареда и Яптамюлкъ или даже оставляютъ свои стада въ лѣсахъ, находя что олень, толкаясь между деревьями, вѣтвями отгоняетъ отъ себя комаровъ.

Вообще южная часть тундры несравненно болѣе заселена, чѣмъ сѣверная, но на югѣ нѣтъ тѣхъ промысловъ, которые даютъ воды океана.

За островомъ Варандеемъ океанъ образуетъ небольшой заливъ «Медынскій заворотъ», противъ котораго нѣсколько сѣвернѣе расположены о-ва Долгій и Матвѣевъ, а дальше образуется громадная Хайпудырская губа, восточная оконечность которой примыкаетъ къ Югорскому шару, неширокому, но глубокому проливу, отдѣляющему о-въ Вайгачъ отъ материка и соединяющему западныя воды Карскаго моря съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ.

Хайпудырская губа получила названіе по рѣкѣ Хайпудыры, впадающей въ южную оконечность губы, въ верховьяхъ которой растетъ густой хвойный лѣсъ. Въ то время, когда всѣ самоѣды были язычниками, они считали этотъ лѣсъ находящимся подъ вліяніемъ злого духа шайтана, потому что никто изъ самоѣдовъ, даже и тѣ, которые постоянно кочевали въ этихъ мѣстахъ, не знали этого лѣса и, невзирая ни на какія примѣты, въ немъ терялись. Потому они лѣса не вырубали и, проѣзжая черезъ него, приносили въ жертву злымъ духамъ оленей въ одномъ, опредѣленномъ шаманами, ихъ священнослужителями, мѣстѣ. Отсюда и произошло названіе рѣки, такъ какъ по-самоѣдски слово хайва — грѣхъ, а падра — лѣсъ. У рѣки Песчанки, нѣсколько западнѣе Медынскаго заворота, такъ же какъ и на Варандѣѣ, построены часовня и избы. Сюда также приходятъ ежегодно на ловлю омулей

и здѣсь производится торговля съ приходящими съ юга изъ лѣсовъ самоѣдами. На мѣстахъ постояннаго лова рыбы, самоѣды строятъ чумы изъ земли. Но такіе чумы въ бассейнѣ Печоры встрѣчаются рѣдко и ихъ можно встрѣтить несравненно больше въ бассейнѣ Оби.

Здѣсь въ тундрѣ находится нѣсколько особенно большихъ озеръ, славящихся обиліемъ линяющихъ (какъ говорятъ), ленныхъ гусей; изъ этихъ озеръ наиболѣе достопримѣчательно озеро Пимендуй съ вытекающею изъ него рѣкою Пильное горло, впадающей

Земляной чумъ.

въ горло Хайпудырской губы. Хайпудырская губа вдается въ материкъ почти на 70 верстъ и наименьшую по долготѣ ширину имѣетъ около 20 верстъ отъ Перевознаго мыса къ Синькину носу; эта часть служитъ обыкновенно весною или вѣрнѣе въ концѣ зимы дорогой для пустозеровъ, ѣдущихъ на лѣто въ Югорскій шаръ и пересѣкающихъ губу по льду. На обрат-

номъ же пути приходится огибать ее вокругъ, изъ-за чего дѣлають болѣе 100 верстъ лишнихъ.

Въ губу впадаетъ масса рѣкъ различной величины, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна рѣка Коротаиха, славящаяся обиліемъ въ ней бѣлой рыбы. Лѣтомъ здѣсь всегда можно встрѣтить нѣсколько чумовъ, такъ какъ самоѣды приходятъ сюда специально для ловли рыбы.

Острова Матвѣевъ и Долгій, лежащіе къ сѣверу отъ залива Медынскій заворотъ, уже носятъ другой характеръ, чѣмъ берега Печорскаго лимана и Хайпудырской губы, такъ какъ берега ихъ имѣютъ каменистое образованіе и сравнительно высоки. Оба острова славятся большимъ количествомъ добываемаго на нихъ тюленьяго и бѣлужьяго сала. Въ XVI вѣкѣ о-въ Матвѣевъ имѣлъ весьма важное значеніе: тамъ была устроена застава для того, чтобы брать пошлину съ судовъ, идущихъ для торговли въ Сибирь. Теперь же отъ заставы не осталось и слѣда. На сѣверной части о-ва поставленъ десяти-саженный знакъ, дающій возможность точно опредѣлиться пароходу, идущему въ Югорскій шаръ. На о-вѣ Долгомъ тоже есть избы промышленниковъ—это такъ называемое Сибирское становье, гдѣ подъ деревяннымъ крестомъ лежатъ 70 жителей Сибири, возвращавшихся въ 1736 году изъ Соловецкаго монастыря и погибшихъ отъ цынг, благодаря недостатку пищи. Всѣ они ѣздили по обѣщанью молиться въ монастырь, на ладѣхъ изъ Оби и, возвращаясь тѣмъ же путемъ обратно, встрѣтили, подойдя къ острову Вайгачу, непроходимые льды; вслѣдствіе того они вернулись къ острову Долгому, гдѣ на сѣверной оконечности нашли удобную гавань и рѣшили перезимовать, что и привело ихъ къ гибели.

Сюда на карбасахъ приходятъ пустозеры и самоѣды, перебирающіеся съ материка по островамъ Большой и

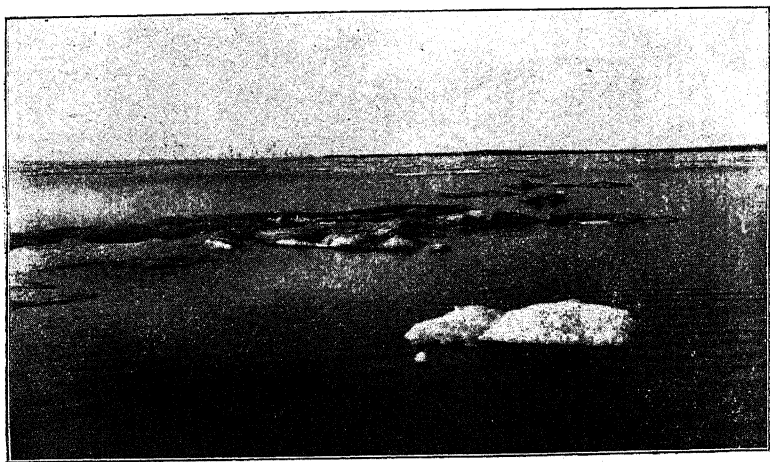
Малый Зеленецъ, которые раздѣляются неширокимъ проливомъ; сѣвернѣе ихъ лежитъ островъ Долгій. Всѣ эти острова служатъ какъ бы продолженіемъ одинъ другого, и весьма возможно, что они современемъ соединятся, такъ какъ вообще весьма замѣтно поднятіе береговъ, освобождающихся отъ водяного покрова.

Тогда какъ лѣтомъ берега Хайпудырской губы довольно оживлены, благодаря приходу съ юга самоѣдовъ и ижемцевъ, зимою на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ можно встрѣтить только два, три самоѣдскихъ чума.

За Хайпудырской губой въ 30 миляхъ по параллели отъ острова Матвѣева съ южной стороны Шырковымъ носомъ, а съ сѣверной мысомъ Гребень начинается проливъ Югорскій шаръ. Название свое проливъ получилъ отъ имени Югорія, которымъ въ древности называлась земля къ югу отъ пролива, получившая свое названіе отъ угровъ (венгровъ), будто бы вышедшихъ изъ этихъ мѣстъ. Первые голландскіе мореплаватели называли этотъ проливъ Вайгачскимъ, но теперь названіе Югорскій шаръ укоренилось за проливомъ. Издавна Югорскій шаръ служитъ проходомъ всѣхъ судовъ, идущихъ черезъ Карское море въ Сибирь, и черезъ него проходили всѣ полярныя экспедиціи, снаряженные для разысканія сѣвернаго полюса. Черезъ него прошелъ на своихъ судахъ Норденшильдъ, совершившій переходъ во кругъ Сибири къ берегамъ Японіи на своихъ судахъ «Вега» и «Лена»; здѣсь же на всѣмъ извѣстномъ «Фрамъ» прошелъ Нансенъ.

Только теперь Югорскій шаръ хорошо промѣренъ, и издана новая вѣрная карта; до сихъ же поръ пролива этого очень боялись, такъ какъ онъ служилъ гибелью многимъ судамъ. Югорскій шаръ можно уже считать страню вѣчныхъ льдовъ, такъ какъ все лѣто въ проливѣ носятся льдины частью изъ Карскаго моря,

частью изъ Хайпудырской губы, очищающейся отъ льда только въ серединѣ іюля. Южные вѣтры въ Карскомъ морѣ отгоняютъ ледъ къ сѣверу, и тогда проливъ, свободный отъ льда, доступенъ для мореплаванія, куда и приходятъ пароходы Архангельско-Мурманскаго пароходства, совершая между Архангельскомъ и проливомъ 3—4 рейса въ лѣто. Правда, бываютъ такіе годы, что все лѣто ледъ носится по проливу, и тогда пароходъ не можетъ пробиться. При входѣ въ Югорскій шаръ, въ Вайгачѣ проливъ образуетъ весьма защищенную бухту Варнека, очень удобную для стоянки судовъ.

Льды въ Югорскомъ шарѣ въ концѣ іюля.

Въ бухтѣ выстроены домъ, гдѣ всегда есть провизія на случай какого либо несчастья съ полярными путешественниками, могущими найти тамъ пристанище и избѣжать, благодаря этому, почти неминуемой гибели.

Берега Югорскаго шара довольно высоки и обрывисты. Характеръ береговой черты весьма оригиналенъ. Море образуетъ въ берегахъ массу щелей и гротовъ, сквозь которые можетъ пройти свободно большая шлюпка; тутъ же рядомъ есть небольшой островокъ въ видѣ большого высокаго каменнаго столба. Весьма интересно смотрѣть съ

высокаго мыса на проливъ въ тихую ясную погоду, когда приливъ изъ Карскаго моря гонить льды въ океанъ:—такъ и кажется, что—это могучая рѣка, которая освобождается отъ своихъ ледяныхъ оковъ послѣ долгой зимы и теперь привѣтствуетъ солнце, отражающееся въ водѣ всѣми цвѣтами радуги и переливающееся въ ледяныхъ массахъ мириадами брилліантовъ; но вотъ теченіе понемногу затихаетъ, ледъ останавливается и, какъ будто раздумавъ плыть далѣе, несется отливомъ обратно съ тою же быстротой.

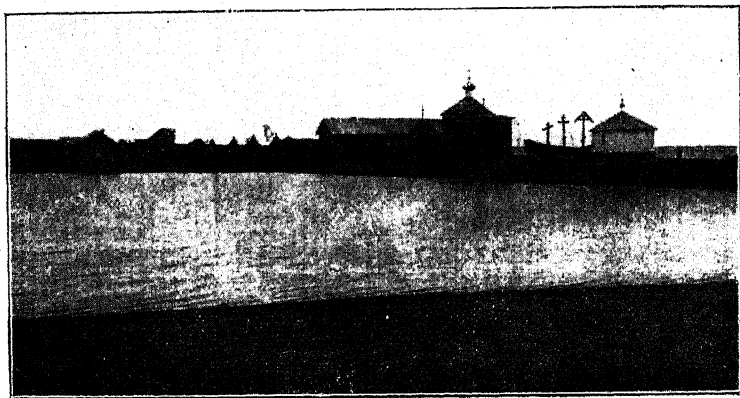
Льды въ Югорскомъ шарѣ въ концѣ юля.

Льдины достигаютъ настолько большихъ размѣровъ, что иногда становятся на мель сажень на пять глубины, и тогда теченіе громоздитъ ихъ одну на другую, образуя цѣлую гору съ шероховатою поверхностью. Однако не долго приходится простоять такой горѣ, такъ какъ ледъ трескается, производя такіе сильные удары, что можно, слыша ихъ, принять звуки за отдаленную стрѣльбу; онъ обламывается и теченіемъ относится въ стороны; стоитъ, стоитъ ледяная

масса и вдругъ сразу разрушится, пѣня морскія воды и образуя довольно значительную волну, расходящуюся во всѣ стороны. Опасается подходить близко къ такой горѣ на своей утлой лодкѣ самоѣдъ, переплывающій проливъ или же выѣзжающій на тюлений промыселъ. Тюленей здѣсь масса, и промыселъ на нихъ производится круглый годъ. Зимній способъ добыванія тюленей тотъ же, что и въ Печорскомъ лиманѣ, лѣтній же, состоитъ въ слѣдующемъ.

Самоѣды, обыкновенно по 2 человека, въ маленькой шлюпкѣ выѣзжаютъ въ проливъ, при чемъ выбираютъ тихую погоду, такъ какъ боятся крутыхъ волнъ, образуемыхъ противными вѣтромъ и теченіемъ; говорятъ: «если валы ходятъ, то ужъ промыслять значить не можно». Увидѣвъ звѣря, они выпрыгиваютъ на льдину, привязавъ шлюпку, у которой для этого на веревочкѣ привязанъ колышекъ, втыкаемый въ снѣгъ, и, махая руками, кричатъ отрывистыми гортанными звуками. Любопытный звѣрь, вынырнувъ изъ воды и видя необычайную картину, сейчасъ же опять ныряетъ, но, желая поближе познакомиться съ небывалымъ зрѣлищемъ, подходить значительно ближе — этимъ моментомъ и пользуется самоѣдъ для того, чтобы пустить пулю въ голову любознательнаго животного. Не успѣваетъ животное испустить въ конвульсіяхъ духъ, какъ уже проворные охотники привязываютъ его на буксиръ къ шлюпкѣ и тянутъ къ берегу, гдѣ снимаютъ шкуру и распластываютъ жиръ. По богатству тюленьяго промысла Югорскій шаръ послѣ Новой земли занимаетъ первое мѣсто. Изъ тюленьихъ породъ здѣсь самоѣды различаютъ двѣ: нерповъ или обыкновенныхъ тюленей отъ 2-хъ пудовъ до 5-ти вѣсомъ и морскихъ зайцевъ отъ 2-хъ до 12 пудовъ. Очевидно, что главнымъ образомъ промышленниковъ прельщаютъ морскіе зайцы, какъ дающіе несравненно больше жиру и боль-

шую шкуру. Выѣхавшимъ на промыселъ самоѣдамъ всегда удастся убить нѣсколько звѣрей, если только не засвѣжитъ вѣтеръ и не заставить пристать къ берегу отважныхъ охотниковъ, чтобы не погибнуть въ разсвирѣпѣвшей стихіи. Ширина пролива въ различныхъ мѣстахъ весьма различна и колеблется отъ 3 до 12 верстъ. Бѣда, если свѣжій вѣтеръ застанетъ шлюпку на серединѣ широкой части; изо всѣхъ силъ гребутъ самоѣды къ ближайшему берегу, чтобы поскорѣе выбраться на сушу. Иногда, отѣхавъ далеко отъ чума, бываетъ невозможно благодаря неблагоприятной погодѣ, ни производить промысла, ни вернуться обратно, и тогда охотники нѣсколько дней живутъ подъ кровомъ своей лодки, опрокинутой вверхъ дномъ на берегу.

Церковь въ Хабаровѣ.

Часто на берегахъ пролива можно встрѣтить такую лодку, оставленную охотниками, возвратившимися пѣшкомъ домой, если непогода ихъ застала на томъ же берегу, гдѣ ихъ чумъ; въ противномъ случаѣ сидятъ самоѣды подъ своей лодченкой и только и думаютъ о томъ, какъ бы стихло и можно было бы имъ возвратиться. У небольшой рѣки Никольской, впадающей въ середину пролива, расположилось селеніе Николь-

ское или Хабарово, какъ бы пріютась за горой, сопкой Хабарихой, защищающей селеніе отъ непогоды. На вершинѣ сопки стоитъ крестъ, виднѣющійся далеко въ проливѣ. Несмотря на свою незначительность, всего только одну церковь и 4 избы, селеніе это служитъ весною и лѣтомъ центромъ торговли всей восточной части Большеземельской тундры и о-ва Вайгача. Видъ селенья крайне печаленъ; на берегу пролива у рѣки стоятъ небольшая деревянная церковь и часовенка, подлѣ церкви домъ священника, а сзади баня. Церковь

Общій видъ Хабарова.

и домъ построены на средства одного богатаго сибирскаго купца, и сюда почти каждый годъ пріѣзжаютъ монахи изъ Соловецкаго монастыря совершать богослуженія и требы. Далѣе по берегу стоятъ одна подлѣ другой избы, у которыхъ поставлены деревянные кресты. Но главное оживленіе представляютъ самоѣдскіе чумы, которыхъ здѣсь значительное количество. Оленей черезъ проливъ перегоняютъ на Вайгачъ, и самоѣды остаются для промысла омулей и нерповъ. Перегонъ оленей совершается или по льду, или лѣтомъ вплавъ, что очень интересно.

Оленей пригоняютъ къ самому узкому мѣсту про-

лива и связываютъ въ рядъ длинной веревкой, если стадо незначительно, а если оно большое, то пускаютъ ихъ плыть на свободѣ. На своихъ лодкахъ самоѣды плывутъ сзади и по бокамъ, при чемъ во все время переправы испускаютъ особенные крики. Забавно видѣть цѣлое стадо оленьихъ головъ, торчащихъ изъ-подъ воды и обгоняющихъ другъ друга, торопясь достигъ берега. Вся процедура продолжается довольно долго, но плывутъ олени около часу, тогда какъ ширина про-

Самоѣды. Оленій чумъ. (Въ Югорскомъ шарѣ).

лива 3 версты; при этомъ никогда не случается, чтобы олени тонули, такъ олени плаваютъ легко и быстро. Причиной отправленія на островъ оленей служить мохъ, котораго несравненно болѣе на островѣ, чѣмъ по материковому побережью пролива. Вообще лѣтомъ Вайгачъ оживляется, тогда какъ зимой на такой громадной площади живутъ только 5 — 6 самоѣдскихъ семействъ.

Вообще жизнь въ такомъ холодномъ климатѣ съ постоянными мятелями, продолжительною ночью, освѣщаемую

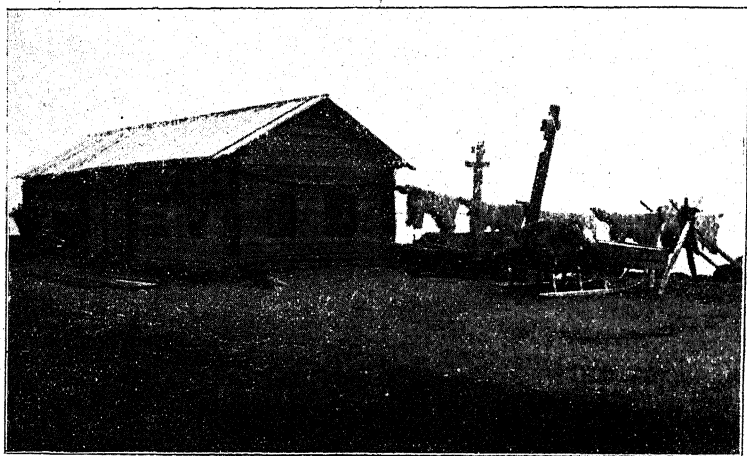
иногда только сѣверными сіяніями, туманами и дождями весьма непривлекательна, и только невзыскательный самоѣдъ можетъ здѣсь жить, да и то нѣкоторые изъ самоѣдовъ Вайгача жалуются, что зимовать тутъ ужъ очень трудно. Главной же приманкой островъ служить съ одной стороны для оленеводовъ, потому что на немъ нѣтъ ни комаровъ, ни оводовъ, съ другой для промышленниковъ, ибо зимою на островѣ промышляютъ

Самоѣды.

бѣлыхъ медвѣдей. Лѣтомъ въ Никольскомъ можно видѣть развѣшанныя около избъ медвѣжьи шкуры, бѣлѣющія на солнцѣ. Промыселъ этотъ самый опасный. Какъ долженъ осторожно и мѣтко стрѣлять самоѣдъ для того, чтобы не промахнуться, ибо медвѣдь, будучи раненъ, страшно свирѣпъ; животное это, при вѣсѣ до 30 пудовъ, обладаетъ и громадною силою. Медвѣдя бьютъ непременно въ сердце, подъ лѣвую лопатку, такъ какъ самоѣдъ не увѣренъ, что онъ пулей можетъ пробить черепъ, и поэтому не цѣлитъ въ голову.

Раньше промыселъ на медвѣдя былъ весьма значителенъ, тогда какъ теперь онъ уменьшается, звѣри болѣе и болѣе отходятъ на сѣверъ. Прежде еще существовалъ промыселъ на моржа, изъ-за его жира и клыковъ, но теперь онъ уничтожился, ибо звѣри отошли на сѣверъ и не подходятъ къ проливу и къ острову;

Развѣшанныя медвѣжьи шкуры.

только иногда удастся найти моржовый клыкъ въ пескѣ, свидѣтельствующій о существованіи здѣсь этихъ животныхъ.

Счастливъ бываетъ самоѣдъ, когда ему удастся убить медвѣдя: тогда онъ обезпеченъ на долгое время пищей, ибо мясо медвѣдя очень вкусно и весьма цѣнится, да за шкуру онъ надѣется получить отъ пустозера нѣсколько оленей: большая медвѣжья шкура цѣнится, какъ 5—6 быковъ. Только въ срединѣ мая начинается приходъ самоѣдовъ въ Хабарово изъ тундры, и къ этому времени приходятъ съ Печоры на оленяхъ промышленники и привозятъ съ собою товары. Сейчасъ же начинается обмѣнъ, сопровождаемый пьянствомъ, такъ какъ самоѣдовъ, при покупкѣ у нихъ товаровъ, непременно спаиваютъ, при чемъ сами торговцы никогда не

пляютъ. Всѣ накопленные за зиму шкуры и нерпичій жиръ тутъ же продаются, при чемъ, конечно, у промышленниковъ происходитъ нѣкоторое соревнованіе. Обыкновенно всѣ самоѣды въ долгу за прошедшій годъ и свои товары отдають тому промышленнику, которому должны; послѣдній ведетъ дѣло такъ, чтобы непременно оставить нѣкоторый долгъ за самоѣдомъ, при чемъ, конечно, не обходится безъ нѣкотораго надувательства, такъ какъ цѣны назначаются совершенно произвольно.

Въ концѣ іюля или въ началѣ августа приходитъ первый пароходъ изъ Архангельска, но случается, что льды, выходя изъ Хайпудырской губы, запирають совершенно шаръ, и тогда пароходъ не можетъ пробиться, но такіе ледовитые годы, какъ ихъ называютъ мѣстные жители, къ счастью, случаются довольно рѣдко. Сюда привозятся мука, чай, сахаръ и другіе менѣе необходимые товары. Пароходъ встрѣчаютъ съ восторгомъ, и масса самоѣдскихъ шлюпокъ пристають къ нему съ различныхъ сторонъ. Самоѣды очень любопытны и наблюдательны и прекрасно помнятъ тѣ пароходы, на которыхъ имъ приходилось побывать. Послѣдній пароходъ уходитъ въ концѣ августа, при чемъ его провожаетъ масса самоѣдовъ, изъ которыхъ нѣкоторые стрѣляютъ, какъ бы салютуя уходящему гостю, который придетъ только послѣ долгой тяжелой зимы.

Мысомъ Сухой носъ и островомъ Сторожевымъ Югорскій шаръ дѣлится на двѣ части: одну западную, прилегающую къ Сѣверному Ледовитому океану, другую — восточную, круто поворачивающую на сѣверъ и прилегающую къ Карскому морю. Западная часть омывая южную оконечность острова Вайгача, отличается, несмотря на небольшое разстояніе, отъ восточной. Тогда какъ все западное побережье острова лѣтомъ оттаиваетъ и совершенно освобождается отъ снѣга, а нѣ-

сколько отступивъ отъ берега, покрывается цвѣтами, восточное побережье, омываемое Карскимъ моремъ, лѣтомъ покрыто подтаивающими снѣгами, разрушаемыми дѣйствіемъ волнъ и тепла и распадающимися на громадныя глыбы, которыя, обрушиваясь, образуютъ волну, расходящуюся въ разныя стороны отъ берега; боится подходить на своей лодченкѣ къ такимъ берегамъ самоѣдъ, чтобы не быть погребеннымъ обвалившейся глыбой подъ холодными волнами моря, и иногда долго ему приходится проплыть, чтобы найти кусочекъ берега, освободившійся отъ снѣга и удобный для того, чтобы можно было къ нему пристать на шлюпкѣ. Въ шаръ лѣтомъ приходятъ иногда нѣсколько шкуновъ изъ Бѣлаго моря для промысла, но, благодаря неточности изданныхъ картъ и недостатку свѣдѣній объ этихъ мѣстахъ, русскіе мореплаватели боятся сюда ходить, чтобы не запутаться во льдахъ и не остаться зимовать, что привело бы почти навѣрно къ неминуемой гибели. Тѣмъ не менѣе, Карское море, обладая громадными звѣриными богатствами, прельщаетъ нѣкоторыхъ купцовъ, которые, рискуя жизнью, пускаются въ его холодныя воды. Въ концѣ августа начинаютъ уходить нѣкоторые самоѣды и промышленники. Это время обыкновенно служитъ для заготовленія оленьей солонины, которая оставляется зимующимъ тутъ самоѣдамъ.

Не буду описывать избіеніе этихъ бѣдныхъ животныхъ, ибо картина эта не столько интересна, сколько безобразна: люди уподобляются здѣсь самымъ дикимъ и кровожаднымъ звѣрямъ.

Обыкновенно первыми начинаютъ уходить ижемцы, такъ какъ имъ предстоитъ самый дальній путь, и мало-по-малу Никольское пустѣетъ, оставаясь безъ обитателей на всю холодную, суровую зиму. Хорошо знаютъ это время олени и весело бѣгутъ они изъ этихъ холодныхъ краевъ, чтобы перезимовать въ болѣе мягкомъ

климатѣ. Зимой на Вайгачѣ самоѣды вмѣсто оленей употребляютъ собакъ, такъ какъ оленей отпускаютъ въ тундру: снѣгъ на островѣ слишкомъ глубокъ, и имъ было бы трудно дорываться до корма. Собакъ запрягаютъ 6—8 въ сани цугомъ, по двѣ въ рядъ. Ъзда на собакахъ болѣе неудобна, чѣмъ на оленяхъ. Замѣчательно то, что собаки сами смотрятъ другъ за другомъ, чтобы везли всѣ ровно, и если какая нибудь не везетъ, то ее другія закусываютъ.

Бѣлыхъ куропатокъ на островѣ совсѣмъ нѣтъ, и только бѣлыя совы и песцы вмѣстѣ съ самоѣдами состоятъ постоянными обитателями острова. Лѣтомъ же по прилетѣ пернатыхъ гостей островъ оживляется; они выводятъ здѣсь своихъ дѣтей, а осенью длинными вереницами тянутся по небу къ югу. Болѣе всего интересенъ пролетъ черного гуся, летящаго громадными стаями. Его бьютъ изъ ружей и ловятъ капканами на мѣстахъ, гдѣ онъ останавливается ночью, обыкновенно у озера или болота. Въ началѣ сентября показывается первый снѣгъ, который на долгое время покрываетъ землю бѣлымъ покрываломъ. Возвращаются обыкновенно промышленники уже по снѣгу, проѣзжая по льду замерзающихъ рѣкъ. Но не такъ быстро замерзаетъ море и проливъ. Долго льды вѣтрами носятся по проливу, и только въ декабрѣ трескучіе 40° морозы заставляютъ застыть эти холодныя, но беспокойныя воды. Обыкновенно въ такіе лютые морозы воздухъ бываетъ тихъ и прозраченъ, и далеко слышится трескъ льда, ломающагося отъ мороза.

Бываютъ такіе годы, что, несмотря на лютый холодъ, проливъ все-таки не замерзаетъ вполнѣ, и тогда ледъ круглый годъ носится по проливу. Въ морѣ же и въ океанѣ ледъ никогда не скрѣпляется въ видѣ сплошной массы и постоянно находится въ движеніи. Весьма важно для зимнихъ промысловъ, чтобы ледъ

отходилъ отъ береговъ, и можно бы было выѣзжать на шлюпкахъ съ острова, чтобы бить звѣрей. Бѣда самоѣдамъ, если море, какъ говорятъ, закроетъ берега льдомъ, и тогда звѣрь отходитъ отъ береговъ, а самоѣды по недостатку провизіи рискуютъ умереть съ голода; къ счастью, такіе годы случаются довольно рѣдко.

Сѣверной частью островъ Вайгачъ омывается проливомъ Карскими воротами, отдѣляющими островъ отъ Новой земли. Вдоль всего Вайгача тянется невысокій хребетъ, служащій какъ бы продолженіемъ Урала, отроги котораго подъ названіемъ Обдорскаго хребта и хребта Пайхой подходятъ къ берегамъ океана. Пролитъ Карскія ворота довольно широкъ, и имъ ограничивается распространеніе торговли пустозеровъ, не могущихъ перебраться на Новую землю, гдѣ правительство само заботится о жителяхъ, устроивъ правильный обмѣнъ продуктовъ промысла на жизненные припасы въ поселеніи Малыхъ Кармакулахъ, ежегодно посѣщаемыхъ пароходами Архангельско-Мурманскаго пароходства.

А. Новосильцовъ.